

## **ОЛЕНЬ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПЛАСТИНАХ- АППЛИКАЦИЯХ ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ**

Большинство предметов скифского искусства в наше время уже всесторонне исследованы и неоднократно опубликованы, но одна группа предметов торевтики пока не изучена полностью. Речь идет о пластинах-аппликациях, к которым многие исследователи относятся несколько пренебрежительно, считая их бесконечным повторением избитых сюжетов, и поэтому не заслуживающих пристального внимания. Тем не менее, эти предметы ювелирного искусства несут в себе уникальную информацию о разнообразных аспектах жизни древнего населения Украины.

Как известно, пластины – самая многочисленная группа украшений, происходящая из курганов скифской знати. Именно золотые пластины использовали для декора ритуально-погребальных одежд скифских жрецов, царей и представителей знати. Их количество и разнообразие варьировалось в разные периоды пребывания скифов на территории Украины. Так, в VII–VI вв. до н.э. скифское искусство еще не было насыщено таким многообразием форм и сюжетов, в нем не наблюдается значительного количества всевозможных растительных орнаментов, геометрических сюжетов, образов животных, антропоморфных изображений как в более позднее время. Но, уже в V–IV вв. до н.э. головной убор, одежда и обувь украшались тысячами пластин-аппликаций, сочетая в себе разнообразные реальные и мифические образы, растительные орнаменты и геометрические мотивы, появившиеся под влиянием греческого искусства. Это известно по находкам в курганах скифской знати, таких как Мелитопольский курган, курганы Толстая Могила, Солоха, Чертомлык и др.

Территория Лесостепного Правобережья, которая в VII–III вв. до н.э. была заселена земледельческо-скотоводческими племенами, является наиболее богатой памятниками скифской эпохи<sup>1</sup>. Именно из раннескифских курганов этого региона происходят самые древние на территории Украины пластины-аппликации с изображением оленя VII–VI вв.

до н.э.; подобные пластины больше нигде не встречены. Образ оленя на представленных пластинах поражает своей выразительностью. Эти пластины изготовлены из золота, вырезаны по контуру изображения и подобны размерами между собой.

Самые известные пластины происходят из **кургана № 100 у с. Синявка Черкасской обл.**<sup>2</sup>. Это профильное изображение животного повернутого вправо, с вытянутой шеей и подогнутыми ногами. Морда оленя, с изображением круглого выразительного глаза, вытянута вперед. Массивные рога переданы кольцами и по длине, почти, равны длине туловища. Ухо в форме листочка прилегает к нижней стороне рогов. На теле животного выразительно выделены передняя лопатка и заднее бедро, а также маленький хвостик, вплотную прижатый к туловищу. На подогнутых ногах четко переданы копыта. Изображение выполнено в реалистической манере (рис. 1. 1).

Далее приведены изображения подобных между собой пластин. Это также образ оленя в профиль, повернутого вправо с подогнутыми под туловище ногами. На этих пластинах не показано такого стремления оленя вперед, как на предыдущих. Он как будто с трудом удерживает большие и массивные ветвистые рога, равные длине туловища. Рога оленя переданы в виде S-образных отростков с завитками на концах. Большая голова с маленьким листочковидным ухом и преувеличенно большим круглым глазом с выделенным веком, посажена на довольно короткую и массивную шею. На теле животного также выразительно переданы передняя лопатка и заднее бедро. Но на этих изображениях у оленя отсутствует хвост. На подогнутых ногах четко переданы копыта. Интересно также наличие переданной вертикальными рубчиками шерсти на голове под рогами. Возможно, это своеобразная передача выростов лобных костей – основания рогов у оленей (рис. 1. 2,3,4).

Пластины с представленным выше изображением оленя происходят из курганов Черкасской области и имеют свои отличительные черты.

Пластина из **кургана № 407 возле с. Журовка Черкасской обл.**<sup>3</sup> отличается натурализмом и мастерством передачи образа (рис. 1. 2).

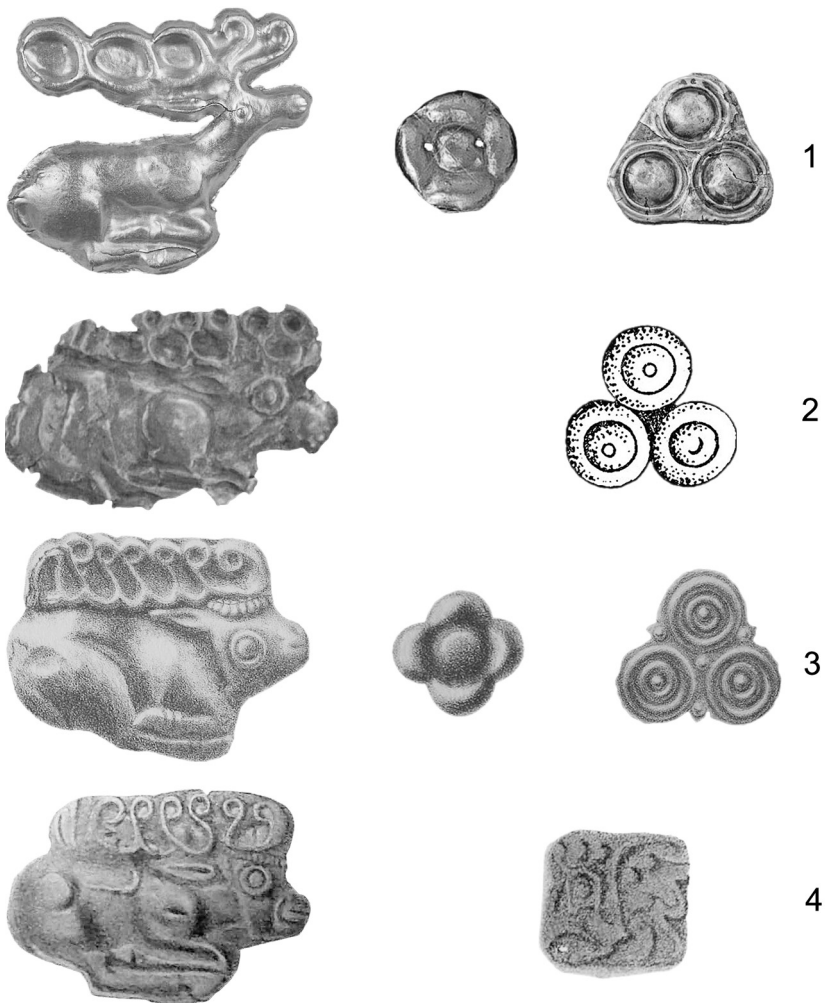


Рис. 1. Пластины-аппликации из скифских курганов:

1 – пластины в виде фигуры оленя; в виде трёх соединённых концентрических кругов; в виде четырёхлепестковой розетки. Курган № 100, возле с. Синявка, Черкасская обл.

2 – пластины в виде фигуры оленя; в виде трёх соединённых концентрических кругов. Курган № 407 возле с. Журовка, Черкасская обл.

3 – пластины в виде фигуры оленя; в виде трёх соединённых концентрических кругов; в виде четырёхлепесткового цветка. Находки из курганов на полях Владимирской экономики, Черкасская обл.

4 – пластины в виде фигуры оленя; с изображением грифонов. Курган № 2 в ур. Дарьевка, Черкасская обл.

Олень на пластине из **курганов на полях Владимирской экономики Черкасской обл.**<sup>4</sup>, несмотря на общую схему изображения, имеет следующие отличительные черты. Выросты налобных костей здесь переданы более выразительно, но практически отсутствует шея. Создается впечатление, что голова растет прямо из туловища. Из-за этого изображение кажется довольно тяжеловесным и несколько неуклюжим. На морде едва заметными черточками намечены ноздри и рот (рис. 1. 3).

Несколько отличий от предыдущих изображений имеются и на пластине в виде оленя из **кургана № 2 в ур. Дарьевка возле г. Шполы Черкасской обл.**<sup>5</sup>. Это более мелкие отростки налобных костей, более выразительные ноздри и губы, а также менее выпуклый глаз с обозначенной зеницей (рис. 1. 4).

В отличие от погребений более позднего времени, в неразграбленных курганах представителей скифской знати раннего периода насчитывалось не более нескольких десятков пластин-апликаций. Возможно, анализ сочетания пластин в виде оленей с другими пластинами в погребениях даст подсказку, как именно использовали эти декоративные элементы, и какой смысл в них вкладывали.

В кургане **№ 100 у с. Синявка** пластины в виде оленей в количестве 31 единицы были найдены на черепе основного погребенного; в сочетании с 11 пластинами в виде трех соединенных concentрических кругов, они служили декором для парадно-ритуального головного убора. Декоративным элементом костюма покойного служили также 14 пластин в виде четырехлепестковой розетки.

В женском, частично разграбленном, погребении **кургана № 407** возле с. **Журовка** была найдена одна пластина в виде оленя и три в виде трех соединенных concentрических кругов.

К сожалению, в качестве случайной находки без соотнесения с конкретным погребением выступает найденная в одном экземпляре пластина из **курганов на полях Владимирской экономики**; вместе с ней числятся также одна пластина в виде трех соединенных concentрических кругов и одна в виде четырехлепесткового цветка.

Из богатого мужского погребения **кургана № 2 в ур. Дарьевка** происходят 3 пластины в виде оленя, которые

сочетались с 13 небольшими пластинками с изображением грифонов и находились вокруг костяка погребенного.

Проанализировав полученные данные, можно утверждать, что пластины в виде фигуры оленя в VII-VI вв. до н.э. использовали как в женском, так и в мужском костюмах. Принадлежность этих украшений к конкретному виду одежды, а именно, к головному убору, установлена только для погребения из кургана № 100 у с. Синявка. Интересным является и то, что на пластинах нет отверстий для крепления. Предполагается, что они крепились с помощью клея растительного происхождения<sup>6</sup>.

Фигуры козлов и оленей с подогнутыми ногами еще с древних времен были распространены на Востоке. В искусстве Урарту в изображениях священного дерева, встречаются стилизованные ветви, похожие на олени рога<sup>7</sup>. Тот же мотив представлен и на многочисленных предметах клада из Зивие VII в. до н.э. Олени изображены с подогнутыми ногами, вытянутой шеей и массивными рогами. В скифском искусстве сохранилась форма стилизованных оленьих рогов, но была утрачена связь с древом жизни: они преобрили форму упрощенных орнаментальных завитков.

Наиболее близкие аналогии для оленей из кургана Синявка происходят из Чиликитинского кургана VII-VI вв. до н.э.; Келермесского кургана VI в. до н.э.; Косторомского кургана VI в. до н.э.; кургана № 1 возле Ульского аула VI в. до н.э. Изображения оленей на пластинах из Журовки, курганов Владимировской экономии, а также Дарьевки, по иконографии подобны между собой, но аналогий у них нет.

Что же касается смысловой нагрузки образа, то, как было отмечено С.С. Бессоновой, “для всех древних обществ характерна такая форма общественного сознания, в которой вся природа, все космические и социальные силы выступают в звериных образах. Скифская религия – это религия скотоводов-кочевников, что сказалось на слабом развитии обрядности и в богатой зооморфной символике искусства”<sup>8</sup>.

Образ оленя – один из наиболее популярных и древних в скифском искусстве. Олень воспринимался как первородное животное, символ мирового дерева<sup>9</sup>. Так, из Пазырыкских курганов происходят украшения коней – кожаные головные уборы, декорированные сценами терзания и позолоченными

оленьими рогами. В более древние времена олень служил объектом поклонения, но ко временам скифов, видимо, утратил большую часть своего древнего религиозного значения. Как заметила Т. Райс: “Очевидно, что вера в то, что олени переносят души мертвых в потусторонний мир, была все еще широко распространена в Евразии в течение I-го тысячелетия до н. э. Она продолжала существовать еще до недавнего времени у бурят. Возможно, это объясняет присутствие изображений оленя на погребальных предметах и может объяснить наличие оленьих рогов на лошадиных масках”<sup>10</sup>. Кроме того, известно, что в качестве ездовых животных использовали не только оленей, но и лосей; возможно, именно поэтому многие изображения имеют более округлую морду и массивные рога. Принесенные из далеких сибирских земель образы лося и оленя остались в искусстве кочевников. Но в условиях степного и лесостепного ландшафта и климата возникла потребность в животном, которое может жить в этих условиях. Таким образом, вместо оленей и лосей стали использовать лошадей, но память о поклонении и вере в сверхъестественные способности и качества оленя сохранилась<sup>11</sup>.

Образ оленя ассоциируется также с одним из древнейших символов солнца. Пластины в виде трех соединенных кружков и четырехлепестковая розетка сами по себе являются воплощением идеи солярного культа. А в архаическом скифском костюме эти три вида пластин, как правило, встречаются в комплекте<sup>12</sup>.

Для раннего периода “звериного стиля” характерен самостоятельный образ. Как правило, это фигура животного, вырезанная по контуру изображения. Для таких изделий существует также понятие замкнутости образа, что можно понимать как законченность и самодостаточность изображения. Без сомнения, примером такой передачи образа и являются пластины в виде фигур оленей из раннескифских курганов Правобережной Украинской Лесостепи. Традиционная поза оленей – изображение животного с поджатыми ногами, и такое положение как бы замыкает фигуру<sup>13</sup>. Интересно в этих изображениях сочетание несовместимых ощущений, переданных через фигуру оленя. Ощущение покоя или обреченности, так как ноги оленя подогнуты под туловище, что не характерно для этих животных при

движении (хотя для такой позы и существует определение “летающего галопа”). Кроме того, такую позу называют жертвенной, как будто животное опустили на согнутые ноги, чтобы принести в жертву. В пользу последнего свидетельствуют уши оленя, которые переданы параллельно туловищу и рогам. Так делают олени в живой природе, когда в минуту опасности прижимают уши к голове<sup>14</sup>. Ощущение стремления вперед, так как шея и голова оленя тянутся вперед, в порыве движения. И ощущение тяжеловесности фигуры, которое достигается изображением мощных, массивных и ветвистых рогов. Они как бы сдерживают оленя от броска вперед. И именно благодаря сочетанию таких противоречивых ощущений создается впечатление уравновешенности и завершенности образа.

В таких изображениях, передающих не просто картинку, а образы и чувства, и воплощается яркое, и неповторимое проявление искусства скифского звериного стиля.

Изображение оленя на предметах из раннескифских курганов Украинской Лесостепи демонстрирует начальный этап сложного развития этого образа от простого и реалистичного, до более сложного, но более схематичного с множеством дополнительных деталей. Он словно явился из мира мифов и легенд. Именно это изображение может служить прекрасной иллюстрацией и примером развития образов скифского звериного стиля от начальных этапов до обрращения новыми деталями и акцентами, особенно под влиянием греческого искусства.

### Примечания

- <sup>1</sup> Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники Скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья: Киево-Черкасский регион. – К., 1989. – С. 3–4; 73–74.
- <sup>2</sup> Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. – К., 1981. – С. 51–52.
- <sup>3</sup> Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в Собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Ленинград, 1966. – С. 32. – Табл. 79; Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). К., 1975. – С. 24. – Табл. 10. 6–7; Бобринский А.А. Отчёт о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии. ИАК № 14, СПб, 1905. – С. 32–35.

- <sup>4</sup> Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Дневники раскопок. – Спб., 1887. – Т. 1. – С. 150. – Табл. VI. 6,7,11; Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Там же. – С. 72–73. – Рис. 16; Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). К., 1975. – С. 24. – Табл. 23.1–3.
- <sup>5</sup> Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. – Спб., 1894. – Т. II. – Дневники раскопок 1887–1889 гг. – С. 128–130. – Табл. X,6; XIII, 4.; Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). – К., 1975. – С. 53–54. – Табл. 24. 19–22.
- <sup>6</sup> Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // СА. – М., 1977. – № 3. – С. 88–89.
- <sup>7</sup> М.И. Артамонов. Происхождение скифского искусства // СА. – М., 1968. – № 4. – С. 27–28.
- <sup>8</sup> Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. – К., 1983. – С. 77, 78, 120.
- <sup>9</sup> Бессонова С.С. Там же. – С. 120.
- <sup>10</sup> Райс Т. Строители степных пирамид. – М., 2003.
- <sup>11</sup> Жарникова С.В. Возможные истоки образа коня-гуся и коня-олена в индоиранской (арийской) мифологии // ИБМАИКЦА. – М., 1990. – Вып. 16. – С. 89–97.
- <sup>12</sup> Іллінська М.І. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. – К. 1971. – № 4. – С. 77–78.
- <sup>13</sup> Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов // Памятники древнего искусства. – М.: “Искусство”, 1976. – 228 с.
- <sup>14</sup> Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М., 1994. – С. 21–22.